

ПРОБЛЕМА МАТРИЛИНЕЙНОСТИ В ДОКЛАССОВОМ И РАННЕКЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Более ста лет назад Ф. Энгельс выдвинул идею о том, что исторический процесс закабаления женщин был связан с классовообразованием и становлением государства. В буржуазной же науке вопрос об эволюции социального положения женщин долго замалчивался, и лишь недавно он был остро поставлен феминистками в связи с новой волной выступлений за эмансипацию женщин в капиталистических странах¹.

На заре XX в. в буржуазной науке на смену идее прогресса пришли историзм и функционализм (Ф. Боас в США, А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский в Англии), а с ними игнорирование и дискредитация взглядов как К. Маркса и Ф. Энгельса, так и И. Бахофена и Л. Г. Моргана, идеи которых Энгельс использовал для выработки концепции первичности материнского права и эгалитарной материнско-родовой организации. Концепция материнского права и матриархата отвергалась как безосновательная фантазия, и возникшая по отношению к ней враждебность была так сильна, что в дальнейших исследованиях матрилинейных обществ вопрос об их эволюции если и рассматривался, то крайне сдержанно и с большими оговорками².

Между тем именно вопрос о неоднозначных обязанностях и разделении власти между женщиной, с одной стороны, и ее мужем и братом — с другой (загадка матрилинейности), ставил в тупик британскую социальную антропологию в годы ее расцвета. Проведя фундаментальное изучение систем родства, Дж. Мердок как будто бы не нашел аргументов «в пользу эволюционистского положения о первичности матрилинейности»³ и вторичности патрилинейности. Вместе с тем среди обширных собранных им материалов не нашлось ни одного случая перехода от патри- к матрилинейности, хотя примеров обратного рода было много. Лишь в последние 20 лет поднятый еще Бахофеном вопрос о материнском праве и ранних этапах материнской социальной организации начал снова обсуждаться, в частности, под углом зрения более высокого статуса женщин в древности⁴. При этом под влиянием феминистских идей некоторые авторы стремятся к более объективному анализу матрилинейных обществ⁵, тогда как откровенные феминистки пытаются доказать тезис о существовании в прошлом безусловно матриархальных обществ⁶. Перед учеными-марксистами и другими исследователями «новый» вопрос о «происхождении патриархата»⁷ встал в связи с дискуссией о сущности доклассового общества и причинах его трансформации.

Ранее мне приходилось отмечать⁸, что данные современной науки не подтверждают существования какой-либо древней матриархальной стадии как таковой. Но это еще не решает проблемы первичности матрилинейных социальных систем по отношению к патрилинейным, о чем в XIX в. писали Бахофен, Морган и Энгельс, к идеям которых мы и обратимся, опираясь на новые исторические данные.

Современные взгляды на место женщины в первобытном обществе

В центре научных споров о статусе женщины в древности, проходивших за последние 20 лет, стоял вопрос о том, было ли подчиненное положение женщин изначально универсальным явлением или возникло исторически, в ходе классовообразования. Социобиологи и многие этнографы, придерживающиеся идеалистических взглядов, отстаивают теорию об универсальности или почти

универсальности подчиненного положения женщин⁹. Марксисты же и другие ученые-материалисты настаивают на том, что половое неравенство связано с возникновением частной собственности и институционализированной общественной стратификации¹⁰. В последние годы на смену неозолуционистской теории о первичности патрилокальных общин у бродячих охотников и собирателей¹¹ пришла более гибкая концепция, утверждающая адаптивное значение родственных связей у современных охотников и собирателей. Было показано, что в обществах, рассматривавшихся ранее под углом зрения доминирования «мужчины-охотника»¹², большую роль в хозяйстве играли женщины-собираательницы¹³.

В западной науке наблюдается большой интерес к социальной организации приматов, в которой ищут объяснение поведения ранних людей. Особое значение при этом придается силе и постоянству материнско-детских связей: некоторые специалисты считают такие связи изначальными и лежащими в основе древнейшей социальной организации¹⁴. Сложилась концепция, согласно которой ранняя семья у гоминид была основана не на постоянных связях обоих родителей со своим потомством, а на материнско-детской ячейке, скрепленной дележом пищи и длительной социальной близостью. По мнению С. Слокама, для понимания социальной организации гоминид в плиоцене наибольший интерес представляют те современные данные, которые связаны с матрилинейностью и матрилокальностью — «достаточно обычными характеристиками нашего биологического вида»¹⁵.

Наиболее последовательная теория о ранних материнских формах социальной организации человечества была выдвинута советскими учеными. К началу 50-х годов в советской науке возникло критическое отношение к матриархальной концепции¹⁶, а после 1955 г. произошел отказ от теории матриархата¹⁷. На смену матриархальной концепции в работах советских этнографов пришли очень разные теоретические взгляды относительно характера древних общественных структур, особенно материнского рода. Некоторые авторы рассматривают материнский род как экзогамный коллектив, пришедший на смену групповому браку. Это соответствует современному представлению о том, что в определенный период истории родовая организация существовала в виде универсального социального феномена. Этот период многие связывают с поздним палеолитом, когда возник человек современного вида. Защитники материнско-родовой теории (взгляды советских ученых в этом отношении расходятся, и материнско-родовая теория не является общепринятой) настаивают на первичности и универсальности материнского рода¹⁸. Современные охотничьи общества, где преобладает билатеральное родство, представляют, по их мнению, не изначальный тип, а результат распада прежней материнско-родовой организации.

Матрилинейность, характерная для материнского рода, была порождена не биологическими, а чисто социальными факторами. По Ю. Семенову, первичная матрилинейность была следствием дуально-родового брака¹⁹. Он считает, что древнейшая социальная ячейка состояла из матери и детей²⁰. Там, где на смену материнско-детской группе приходил групповой брак, возникали парные связи между мужчинами и женщинами, охватывающие также и их потомство (детей). Это привело к установлению новых социальных и экономических отношений с соседними группами, в результате чего появилась родовая экзогамия. Экономические связи женщин имели двоякий характер: с детьми и половыми партнерами, а также со своими братьями и сестрами. Совершился переход от дислокального к матрилокальному брачному поселению, но главной экономической ячейкой остался материнский род.

В той же работе Семенов стремился доказать, что двойное родство у австралийских аборигенов — результат распада более раннего материнского рода. В целом первичность материнского рода хорошо согласуется с многочисленными фактами, собранными Мердоком.

Вместе с тем в основу периодизации первобытной истории советские авторы кладут не эволюцию систем родства, а формы хозяйства и связанные с ними социально-экономические отношения. Проблема матрилинейности рассматривается в их работах в свете изучения ранних форм именно социальной организации. Ведь объяснение первичности материнской социальной организации, основанное на биологических факторах, противоречило бы марксистскому подходу, опирающемуся на социальные факторы.

Анализ женских статуэток позднего палеолита и неолита

Вопрос о позднепалеолитических и неолитических женских статуэтках в Европе и Передней Азии привлекает внимание как марксистов, так и исследователей феминистской ориентации. Буржуазная наука рассматривала эти фигурки как отражение либо особого культа, либо абстрактных идей плодородия. Женские статуэтки ставили в тупик ученых, не разделявших теорию материнского рода. Загадочным считалось и внезапное исчезновение позднепалеолитических «Венер», вернувших свою былую популярность лишь в неолите.

Феминистски настроенные исследователи, особенно М. Гимбутас²¹, продемонстрировали картину последовательного проникновения из Передней Азии в Юго-Восточную Европу культурного комплекса, основанного на поклонении богине-матери. Образ «богини плодородия» достаточно сложен: он связан с контролем над плодovitостью не только людей, но и животных и вообще дикой природы, соединяя в себе тем самым доземледельческие и земледельческие черты. Согласно Гимбутас, позднее она превратилась в богиню возрождения, луны, став атрибутом оседлого матрилинейного общества, носительницей одновременно и жизни, и разрушительных сил природы. Тогда же был известен и мужской фаллический символ, который позднее фактически слился с женской символикой. Какого-либо резкого разделения на мужское и женское начала в неолите не прослеживается, и все же Гимбутас видит в рассмотренной символике отражение господствующего положения женщины-матери в обществе.

Анализируя сходные данные палеолитического искусства, советский ученый А. Д. Столяр рассматривает женские фигурки в свете широкой символической системы, отражающей становление человеческого самосознания²². В древнейшем искусстве он прослеживает выделение человека из природы, «раздвоение мира». В ходе эволюции анималистические сюжеты постепенно сменялись антропоморфными, ассоциировавшимися с абстрактным женским образом, символом воспроизводства самой жизни, что отражало торжество исторического над биологическим и было тесно связано с процессом сапиентации. В центре концепции Столяра — не женский культ или доминирование женщин, а древнее мировоззрение. Рассматриваемые мировоззренческие сдвиги революционизировали отношения человека с природой, а также взаимоотношения между людьми, в том числе между женщинами и мужчинами.

Матрилинейность и проблема ее исторического приоритета

По мнению многих советских ученых, материнская социальная организация первична. Хотя такая точка зрения не общепринята, все согласны с тем, что материнская социальная организация и материнское родство соответствует доклассовому обществу. В западной релятивистской антропологической литературе, где первичность материнской организации отрицается, данный вопрос рассматривается в связи с социально-политическими типами. При этом Мердок и феминистски ориентированные исследовательницы, использующие его метод²³, не видят связи между матрилинейностью и социополитическими типами, как эгалитарными, так и стратифицированными.

Важные уточнения в изучение матрилинейных систем внесли Д. Шнайдер

и К. Гаф, разграничившие понятия линейно-родственной группы и домохозяйства²⁴. Акцент на братско-сестринские, а не супружеские отношения может рассматриваться как взаимозависимость, а не зависимость женщин от мужской власти и защиты. Ведь от сестры зависела непрерывность родственных связей во времени, от брата — руководство, защита и забота. По мнению Д. Аберле, такие матрилинейные системы, как правило, не встречаются в экономически и политически развитых обществах, но он обошел молчанием вопрос о ранних этапах человеческой истории. В личном письме К. Гаф сообщила автору данной статьи, что, по ее мнению, в прошлом матрилинейность была распространена много шире, чем ныне. Хотя она считает матрилокальность необходимым, но недостаточным условием для матрилинейности, она признает, что наличие большого числа нематрилокальных матрилинейных обществ в современном мире указывает на существенные изменения в прошлом. Действительно, хорошо известно, что в условиях колониализма матрилинейные общества быстро исчезали. Так, в 1896 г. британские власти практически положили конец матрилинейности у тийяров в Северной Керале (Индия), приняв закон, устанавливающий для жен преимущества перед сестрами и материнскими родичами при наследовании имущества²⁵. В Гане в постколониальное время распространение наемного труда и товарного земледелия привело к усилению малой семьи, ослабив тем самым роль матрилиниджа²⁶. В целом все это соответствует выводам Э. Ликок о разрушительном воздействии товарно-денежных отношений на эгалитаризм в обществе насапи.

Не менее интересны и иные данные о стойкости матрилинейности в условиях капитализма и наличия значительного прибавочного продукта. Так, на о-ве Наму (Маршалловы острова), несмотря на столетнее плантационное хозяйство (продажа копры), матрилинейные связи до сих пор сильны, в особенности в поземельных отношениях. Еще ярче пример толаи, сделавших значительные успехи на пути к капитализму (продажа копры и какао) и тем не менее сохранивших матрилинейный порядок наследования земли²⁷. Судя по данным из Замбии, в условиях проникновения капиталистических отношений и классовообразования матрилинейность сохранялась прежде всего в беднейших сельских районах. Сельские дельцы и торговцы справедливо видели в матрилинейности тормоз для предпринимательства, зато для сельского малоземельного или безземельного населения она была единственным способом получить доступ к земле и товарно-денежному хозяйству²⁸. Обобщив африканские материалы, М. Дуглас заключает, что, судя по опыту XX в., матрилинейность не противоречит конкуренции и экономическому развитию, так как, начиная рискованное дело, индивиды постепенно втягивают в него группу материнских родичей, которые проявляют при этом большую заинтересованность и активность²⁹.

Учитывая необычайную стойкость современных матрилинейных обществ, а также случаи исчезновения матрилинейности, можно предполагать, что в прошлом таких обществ было значительно больше, чем ныне. И действительно, в древности выявляются случаи исторического приоритета матрилинейности.

Матрилинейность в догосударственных и раннегосударственных обществах

Ирокезы и конфедерация ашанти — хорошо известные примеры существования в ранних государствах матрилинейности. Многие общества американских индейцев также достигли высокого уровня социально-экономического развития, сохранив матрилинейность, например чироки, чоктав, крики и др. на Юго-Востоке США. Во многих африканских государствах в предколониальное и колониальное время также господствовала матрилинейность.

В государствах Северной и Центральной Кералы на Малабарском побережье матрилинейность сосуществовала не только с кастовыми и классовыми различиями, но и с развитой военной практикой. Есть много данных о традициях группового брака в Центральной и Южной Керале, где все женщины среди найяров

считались «общими»³⁰. А в знатных матрилинейных кастах здесь придерживались жесткой гипергамии, чтобы сохранить «чистоту» элитарных линиджей.

Применив таксономию Мердока для типологизации государств по размеру народонаселения («минимальное государство» включает 1,5—10 тыс. чел., «малое» — 10—100 тыс., «государство» — более 100 тыс. чел.), Шнайдер и Гаф обнаружили, что матрилинейность более всего коррелирует с «минимальным государством» (32% всех учтенных матрилинейных обществ), меньше — с «малым государством» (10%) и совсем мало — с «государством» (5%). А патрилинейность распределялась среди этих категорий следующим образом: 24% в «минимальных государствах», 13% — в «малых» и 15% — в «государствах». Таким образом, патрилинейность чаще встречалась в «государствах», а матрилинейность — в «минимальных государствах»³¹. Если рассматривать эти данные под эволюционным углом зрения, то выясняется, что с ростом размеров государства, т. е. с усложнением социально-экономической структуры матрилинейность и «минимальное государство» исчезают.

Сейчас переход к производящему хозяйству хорошо изучен в Передней Азии, Мезоамерике и Юго-Восточной Азии. Во всех этих случаях переход занял три — четыре тысячелетия. При этом в Старом Свете важную роль сыграло скотоводство, а в Новом при наличии большого разнообразия культурных растений скотоводство важного значения не имело³². Как такие различия отражались на общественной эволюции? Возможно, чем выше была роль палочно-мотыжного земледелия (причем не только в процессе классообразования, но и в дальнейшем), тем больше шансов имелось у материнских форм социальной организации сыграть значительную роль в историческом процессе.

Передняя Азия. Древние формы материнского родства, существовавшие в глубокой первобытности и сохранившие свое значение в самых ранних государствах, лучше всего представлены в Передней Азии. Постепенное накопление богатства (скот и рабы) и развитие военного дела по мере укрепления ранних государств являлись четкими индикаторами падения роли материнского родства и материнской социальной организации.

Судя по имеющимся данным, в период классообразования статус женщин в Передней Азии оставался высоким. В 6200—5400 гг. до н. э. в Чатал Хююке (Анатолия) существовали развитые ирригационное земледелие и скотоводство, развивались города и торговля при подсобных занятиях собирательством, охотой и рыболовством. В религиозной символике и мифологии преобладали богини, с которыми ассоциировалось не только земледелие, но и охота³³.

Важно, что женщин здесь хоронили вместе с сельскохозяйственными орудиями; детей и орудия погребали либо рядом с женщинами под крупными платформами, либо поодаль под маленькими платформами, но всегда отдельно от мужчин. Это свидетельствует о матрилинейном и матрилокальном обществе³⁴. Судя по погребальному обряду, социальной стратификации здесь почти не было, богатых могил не обнаружено. Характерно, что при всей значительности работ в Чатал Хююке их результаты почти никто не использовал для изучения статуса женщин³⁵.

Дальнейший ход классообразования прослеживается в Месопотамии по данным о погребальном обряде: там в могилы затыкали оружие и печати, а простые общинников — сосуды, украшения и орудия. Судя по быстрой поляризации таких погребений во времени, классообразование происходило весьма интенсивно³⁶. При этом есть данные о высоком положении женщин в древнем Шумере и их важной роли в становлении государства³⁷. Известно, что уже в протописьменный период простые земледельцы здесь были вынуждены обслуживать знать³⁸. Начались завоевательные походы, появилось рабство, а возникшее в результате этого богатство стало опорой власти месопотамских правителей. Рабы были заняты на общественных работах, а земледельцев все чаще привлекали к службе в численно растущем войске.

Захваченных на войне мужчин обычно убивали, в плен же брали в основ-

ном женщин и детей. Поэтому в раннединастический период среди пленных преобладали женщины³⁹. В ранних шумерских государствах хозяйственным и репродуктивным способностям женщин придавали большое значение. Следовательно, женское рабство заслуживает особого внимания как фактор первичного накопления богатства в процессе классовообразования и формирования государства.

В раннем теократическом государстве женщины занимали высокое положение в храмовой иерархии, например в Уре, где высшая администрация состояла из женщин. Одновременно женщины преобладали и среди работников храмового хозяйства (в ремесле и земледелии). Видимо, по статусу они были сродни илотам и происходили из семей, из поколения в поколение обслуживавших храмы. Иначе говоря, с древнейших времен классовые и половые различия не совпадали: высокий статус некоторых женщин ничуть не влиял на статус женщин в целом.

Производственной ячейкой общества являлась, очевидно, широкая группа родственников типа конического клана, которая и владела землей. На земле трудились члены такой расширенной семьи и рабы, точнее — рабыни. В раннединастическое время коллективистские порядки и обычаи отступали на задний план, и к 2000 г. до н. э. землевладение в целом было уже сугубо индивидуальным⁴⁰.

Падение роли общинных порядков в процессе становления государства отразилось и в наиболее ранних законах (серия эдиктов из Лагаша XXV в. до н. э.), которые требовали супружеской верности только от женщин, запрещали полиандрию и закрепляли патрилинейность. По. Р. Рорлих, наличие полиандрии в раннединастической Месопотамии говорит о матрилинейности, а требование супружеской верности только от жены свидетельствует о патрилинейности и патрилокальности⁴¹. Закон об отделении женщин от детей и введение жесткого контроля за их сексуальностью — четкие показатели преобразования прежней материнской общины, триумфа частнособственнической идеологии и, очевидно, патриархальных социальных отношений.

В 1700—1190 гг. до н. э. в Анатолии существовало Хеттское царство, где наблюдался переход от матрилинейности к патрилинейности, что отражалось и в религии⁴². В царской семье практиковались браки между братьями и сестрами, и право наследования передавалось через царскую сестру (*тавананна*), т. е. престол переходил к ее сыну. Позднее, когда браки между братьями и сестрами были запрещены, тавананна сохранила должность жрицы, но трон уже передавался сыну ее брата. В первой половине II тыс. до н. э. новый могущественный хеттский царь отменил звание тавананны и сам стал первосвященником. Но матрилинейный принцип был еще так силен, что брат тавананны продолжал вполне законно претендовать на царскую власть. В силу того же принципа при отсутствии законного наследника (сына) трон переходил к мужу старшей дочери умершего царя⁴³.

Матрилинейный принцип наследования царской власти у хеттов был окончательно отменен в 1380 г. до н. э., когда царь сам стал выбирать себе наследника и по собственной воле мог присвоить титул тавананны своей жене. В хеттских законах этого периода (1450—1250 гг. до н. э.) отразилось стремление к жесткому контролю над женщинами и собственностью. Женщинам запрещалось продавать собственность своих мужей; сурово каралось насилие над замужней женщиной, а также обвинение ее в аморальности; замужняя женщина в отличие от рабыни и проститутки должна была носить покрывало; вступление девушки в добрачные половые связи влекло суровое наказание; женщинам запрещалось по своей воле делать аборт⁴⁴.

В Старовавилонском царстве, несмотря на тысячелетнюю тенденцию ограничения женских свобод, еще в 1800 г. до н. э. в Уре женщины не находились в полной зависимости от мужчин, хотя патрилинейные и патриархальные институты здесь уже давно существовали. В некоторых случаях женщины могли сами

заключать сделки, независимо от отцов, братьев или мужей. Наличие особого статуса у жриц или *харимтум* (обычно зависимые, бедные или безземельные наложницы, не имеющие семьи) давало им право на наследование имущества⁴⁵.

Любопытно, что харимтум находились под защитой могущественной богини Инанны-Иштар, не только узаконивавшей, но и освящавшей их торговые операции. Такая защита храмовых проституток кажется логичной при наличии жесткого контроля за поведением замужних женщин и суровых наказаний за супружескую измену. С развитием месопотамской цивилизации роль богини Инанны, когда-то самой могущественной из богинь, падала, и ко времени записи эпоса о Гильгамеше с ней уже не считались и высмеивали ее в мифе о триумфе войны (мужчина) над миром (женщина).

Таким образом, трансформация древнего статуса женщины и материнской общины в Месопотамии прослеживается очень четко. Хотя материнские формы социальной организации встречались и в раннеклассовый период, с развитием государственности и военного дела они уходили в прошлое. Нельзя понять эти изменения без учета роста контроля над женщинами и детьми в условиях развития частного землевладения, рабства, скотоводства и накопления богатства. Приведенные данные свидетельствуют об особом месте материнского родства и материнских форм социальной организации в становлении государственности, что заслуживает дальнейшего изучения.

Долина Нила. В Египте еще в додинастическое время встречались женские статуэтки, а позднее женские божества играли главную роль в религиозном культе. До Среднего Царства включительно царский титул здесь наследовался по материнской линии. В науке издавна дискутируется вопрос о матрилинейном наследовании престола и статусе женщин в Древнем Египте. Хотя некоторые авторы это оспаривают⁴⁶, египетские данные дают основания для предположения о матрилинейности. Это — и акцент на материнское родство в царской семье, и ссора дяди с племянником в мифе о Сете и Горе. О том же говорит порядок наследования престола путем брака с представительницей царского рода, а также высокое положение женщин в древнеегипетском обществе⁴⁷.

Главной фигурой в мифологии и религии египтян была богиня Исида. Она обучила своего брата-мужа земледелию и вернула его разрубленное на части тело к жизни. С древнейших времен она воплощала в себе принцип священного правления⁴⁸. В Греции и Риме Исиде поклонялись как богине-матери, причем у женщин в течение всей античной эпохи сохранялся особый культ Икиды.

Так как мать фараона своим статусом узаконивала его право на престол, женщины из царского рода считались «гарантом законности престолонаследия». Разумеется, это не матриархат, но наличие матрилинейного принципа наследования вряд ли можно оспаривать. Последнее прослеживается в глубь веков вплоть до II—III династий. Конечно, сама по себе матрилинейность еще не свидетельствует о высоком статусе женщин в целом. И действительно, в искусстве изображения жен и дочерей фараонов уменьшаются в размерах с Древнего до Нового Царства.

Минойский Крит. Около 3000 г. до н. э. на Крите начался процесс урбанизации с сопутствующей социальной стратификацией. Особенностью Минойского государства было отсутствие внутренних войн и необычно интенсивное развитие торговли, причем среди купцов были как мужчины, так и женщины⁴⁹. Основной социальной единицей был род, существовала общинная собственность на землю, а жрецы и знать жили за счет прибавочного продукта. Женские сюжеты преобладали в искусстве, причем женщины, выполнявшие земледельческие работы в раннеклассовый период, сохраняли ту огромную роль, которую они играли еще в неолитическом обществе. Как и в Анатолии, минойские женщины участвовали в охоте. Заметные следы материнского счета

родства, сохранявшиеся на Крите позднее, позволяют предполагать определенную роль матрилинейности в рассматриваемый период. По мнению некоторых авторов, на Крите существовал реальный матриархат — теократия во главе с царицей-жрицей. Об этом как будто бы говорят полное отсутствие изображений всемогущего мужчины-правителя и большая роль женщин в религии⁵⁰.

Китай. Будущие исследования в рассматриваемом направлении, возможно, позволят выявить аналогичную картину и в Китае. Судя по имеющимся данным, в период формирования древнекитайского государства женщины принимали активное участие в системе управления⁵¹. Особенности социальной организации и социального статуса женщин в китайском неолите хорошо согласуются с матрилинейностью в Китае шаньского времени (XVI—XI вв. до н. э.). Очевидный социальный дуализм выявляется в царском могильнике в Аньяне⁵². Передача царской власти от дяди к племяннику и от деда к внуку показывает, что в раннединастический период наследование царской власти осуществлялось матрилинейно⁵³.

Хотя в древнем Китае имелось центральное правительство, отношение к женщинам в ранних источниках — подчеркнуто уважительное. Женщины, имевшие титул *фу*, могли владеть землей, исполнять ритуальные обязанности и даже руководить войском. Исходя из числа женщин, обладавших титулом фу, некоторые авторы считают, что он наследовался либо что его обладательницы были в определенном родстве с правящим родом Шань.

Позднее, в эпоху Чжоу, тоже были известны могущественные царицы, устраивавшие также богатые погребения женщин с церемониальными и военными атрибутами. Правда, еще нет строгих доказательств матрилинейного счета родства в царской семье, однако объем политической власти, которой обладали женщины царствующей династии, объясняет критическое отношение к участию женщин в политике, сложившееся к эпохе триумфа конфуцианства (V в. до н. э.).

Корея. В эпоху Трех царств (57 г. до н. э.— 668 г. н. э.) произошло объединение уже существовавших в Корее государств: Когурё на севере и Силла и Пекче на юге. В этом образовании доминировало царство Силла с системой двойного родства⁵⁴. В раннеземледельческий период в Корее отмечалось равенство полов, причем предполагают, что в раннем неолите господствовала матрилинейность⁵⁵. Институт «комнаты зятя» в Когурё, или период матрилокальности, длившийся до достижения ребенком определенного возраста, считается обычаем, сохранившимся от эпохи господства матрилинейности.

И замужние, и незамужние женщины участвовали в земледельческих работах, составляя основную рабочую силу, платили налоги, наравне с мужчинами обеспечивали семью и оставались за хозяек дома, когда мужчины уходили на войну. Мужчины и женщины в одинаковой мере делились на шесть возрастных категорий. В Силле право женщин руководить домохозяйством было распространено и среди простых общинников, причем им обладали даже незамужние дочери⁵⁶.

Однако после объединения Трех царств положение женщин начало ухудшаться. Сын все чаще наследовал отцу, причем в царской семье это с самого начала было правилом. И все же в Силле были известны три выдающиеся царицы, правившие в период консолидации древнекорейского государства. По мнению корейского исследователя Юнг Чанг Кима, в этом проявились существенные права, доставшиеся женщинам от более ранней «племенной» системы. Царица Сондок (632—647 гг. н. э.) пришла к власти благодаря тому, что все мужчины рода «священной кости» умерли. Источники не сохранили упоминаний о каких-либо возражениях против передачи трона женщине. Царице Сондок наследовала ее кузина Чиндок (647—654 гг. н. э.), вышедшая из того же рода. Царица Чинсон (887—897 гг.) правила много позднее, и это доказывает, что даже проникновение конфуцианства не привело к полной победе патриархальной традиции.

Мезоамерика. В целом вопрос о социальной эволюции, сопровождавшей развитие производительных сил и становление государственности в Мезоамерике, еще не рассматривался. Частично это объясняется тем, что американские археологи пока избегают реконструкций нематериальной сферы культуры. По имеющимся данным, оседлое земледелие сложилось здесь на базе высоко-специализированного присваивающего хозяйства, которым занимались много-семейные общины. Как известно, собирательство было преимущественно женским занятием, и логично предположить, что окультуривание растений производилось женщинами.

В связи со становлением государственности в долине Мехико по меньшей мере один автор указывает, что, «например, в Туле высшая власть принадлежала женщинам, а в Мехико происхождение царской власти связывали с женщиной по имени Иланкуитль»⁵⁷. Во всяком случае вначале в царском роду господствовала матрилинейность, и тольтекский линидж Кольхуакана обосновался в Мехико благодаря Иланкуитль, что позволило ацтекской династии претендовать на родство с самим Кетцалькоатлем. Хотя в классический период установился патриархат, женщины и тогда могли быть жрицами, а главный знак, маис, ассоциировался с женскими божествами.

* * *

Итак, надо отметить, что сложности с гипотезой о матрилинейности и матриархате возникали, в частности, из-за нечеткой терминологии. Одно время перенесение мифологических данных о правлении женщин на живую действительность, в которой встречалось родство по материнской линии, вело к отождествлению матрилинейности с матриархатом. Кроме того, идея первичности матрилинейности подавалась в политическом контексте, в котором идеи Моргана и Энгельса ассоциировались с социализмом и противопоставлялись историческому партикуляризму и функционализму в США и Англии, где эволюция систем родства отрицалась.

Недавно было высказано пожелание заново синтезировать разнообразные накопившиеся материалы по рассматриваемой проблеме⁵⁸. Но для этого вначале необходимо обобщить данные о матрилинейности. Вот почему здесь был детально рассмотрен вопрос о древности материнских форм социальной организации. Выяснилось, что они были распространены в прошлом много шире, чем принято считать, что матрилинейность наблюдалась во многих доклассовых обществах, а в ряде случаев продолжала существовать и в раннегосударственный период.

Разумеется, с марксистской точки зрения, смена филиации не является главным моментом трансформации древней общинной структуры, но в ней, безусловно, отражаются более существенные социально-экономические изменения, которые ведут к становлению классового общества. Это — изменения в отношениях собственности, разложение родовой организации, развитие военного дела и территориальная экспансия раннего государства. Но в условиях слабо выраженной социальной стратификации, ограниченного объема прибавочного продукта, связанного с примитивным богарным земледелием, при отсутствии территориальных захватов и рабства в раннем государстве вполне мог сохраниться материнский счет родства. На китайском и корейском примерах видно, что в раннем государстве могло существовать и двойное родство, объединяющее элементы матри- и патрилинейности. А о том, как велась борьба за уменьшение роли и в конечном счете отмену материнского принципа, свидетельствует хеттский пример.

Историю становления ранних государств трудно реконструировать, так как она не освещена в письменных источниках. Поэтому здесь нам приходится полагаться на теоретические положения и их применение для интерпретации древних материальных остатков. Крепкие связи внутри материнско-детской ячейки

хорошо известны у высших обезьян; предполагают, что такие же связи определяли и ранние этапы семейной жизни, что и обусловило первичность материнского рода. В современных индустриальных государствах или в странах третьего мира снова возникает «матрифокальная» семья как «новая» форма семьи, где матери-одиночки возглавляют домохозяйства.

Все это создает теоретические предпосылки для решения «загадки» женских статуэток, распространенных в Передней Азии и Европе в позднем палеолите и неолите. А отсутствие пространственно-временной преемственности между ними, возможно, указывает на более общий тип социальной организации, который преобладал в доклассовом обществе.

Более понятным становится и феномен современных матрилинейных обществ. Во-первых, можно предполагать, что в прошлом матрилинейность была распространена значительно шире. Об этом свидетельствуют данные о распаде матрилинейных систем в XVIII—XIX вв. в условиях колониализма. Во-вторых, как хорошо известно, при наличии многочисленных случаев перехода от матри-к патрилинейности обратной картины нигде не наблюдалось, и это тоже говорит об историческом приоритете матрилинейности, хотя в западной антропологии последнее до сих пор отрицается.

Сохранение матрилинейности в современных условиях развития товарного хозяйства и появления определенной социальной стратификации помогает понять случаи встречаемости матрилинейности в предклассовых и раннеклассовых обществах, так как матрилинейность в тенденции существует в «минимальных государствах», но исчезает в развитых государствах с увеличением объема богатства и развитием частной собственности. Типичные черты этой трансформации: женское рабство, ограничение свободы замужних женщин, законы о новом порядке наследования, появление патрилинейности и пр.

Итак, мне представляется, что имеется достаточно данных для вывода о широком распространении в доклассовых и раннеклассовых обществах материнских форм родства, включавших, в частности, матрилинейность, но не сводимых только к ней. Приведенные выше сведения доказывают перспективность исследований в этом направлении. Кроме того, обсуждение рассмотренной здесь гипотезы — хороший повод для диалога между учеными разных стран, марксистами и немарксистами, археологами и этнографами.

Перевод В. А. Шнирельмана

Примечания

¹ Webster P. *Matriarchy: A Vision of Power* // *Toward an Anthropology of Women*. N. Y., 1974; *Leacock E.* Women's status in Egalitarian Society; *Implications for Social Evolution* // *Current Anthropol.* 1978. V. 19. № 2; *Fluehr-Lobban C.* Marxism and the Matriarchate One-Hundred Years After the Publication of the Origin of the Family, Private Property and State // *Critique of Anthropology*, 1987. V. 7. № 1; *Sacks K.* Engels Revisited: Women, the Organization of Production and Private Property // *Women, Culture and Society*. Stanford, 1974.

² *Matrilineal Kinship*. Berkeley; Los Angeles, 1961.

³ *Murdock G. P.* Social Structure. N. Y., 1949. P. 187.

⁴ *Hildebrandt H.-J.* Matriarchal Myth or Matriarchal Reality: Some Comments on the Present State of the Question. 1986. (unpublished).

⁵ *Schlegel A.* Male Dominance and Female Autonomy, Domestic Authority in Matrilineal Societies. New Haven, 1972; *Sanday P. R.* Female Power and Male Domination. On the Origin of Sexual Inequality. Cambridge, 1981.

⁶ *Rorhlich-Leavitt R.* Women in Transition: Crete and Sumer // *Becoming Visible*. Boston, 1977. P. 39—59.

⁷ *Lerner G.* The Creation of Patriarchy. N. Y., 1986; *Ruyle E.* On the Origin of Patriarchy and Class Rule. 1988. (unpublished).

⁸ *Fluehr-Lobban C.* A Marxist Reappraisal of the Matriarchate // *Current Anthropol.* 1979. V. 20. № 2; *eadem.* Marxism and the Matriarchate.

⁹ *Wilson E. O.* Sociobiology. The New Synthesis. Cambridge, 1975; *Schlegel A.* Sexual Stratification. N. Y., 1977; *Sanday P. R.* Toward a Theory of the Status of Women // *Amer. Anthropol.* 1973. V. 75. № 5; *Friedle E.* Women and Men. An Anthropologist's view. N. Y., 1975.

¹⁰ *Leacock E.* Op. cit.; *Politics and History in Band Society*. N. Y., 1982; *Gailey C. W.* Kinship to Kingship. Gender Hierarchy and State Formation in the Tongan Islands. Austin, 1987.

- ¹¹ Service E. R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N. Y., 1962.
- ¹² Man the Hunter. Chicago, 1968.
- ¹³ Woman, the Gatherer / Ed. Dahlberg F. New Haven, 1981.
- ¹⁴ McGrew W. C. The Female Chimpanzee as a Human Evolutionary Prototype // Woman, the Gatherer.
- ¹⁵ Slocum S. Comment to Quiatt and Kelso's «Households and Hominid Origins» // Current Anthropol. 1982. V. 26. № 2. P. 215.
- ¹⁶ Fluehr-Lobban C. Marxism and the Matriarchate ...
- ¹⁷ Semenov Yu. I. More on Marxism and the Matriarchate // Current Anthropol. 1979. V. 20. № 4. P. 818.
- ¹⁸ Bromley Yu. V., Pershits A. I. Frederick Engels and Contemporary Problems Concerning the History of Primitive Society // Sov. Anthropol. and Archaeol. 1985. V. 23. P. 50, 51.
- ¹⁹ Семенов Ю. И. Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений // Тр. VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Т. 4. М., 1967.
- ²⁰ Semenov Yu. I. The Problem of the Transition from the Matrilineal to the Patrilineal Clan // Sov. Anthropol. and Archaeol. 1976—1977. V. 15. P. 8, 9.
- ²¹ Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe. Berkeley, 1982.
- ²² Stoliar A. D. On the Sociohistorical Decoding of Upper Palaeolithic Female Signs // Sov. Anthropol. and Archaeol. 1977. V. 16. № 2.
- ²³ Murdock G. P. Op. cit.; Schlegel A. Male Dominance and female economy...; idem. Sexual Stratification.
- ²⁴ Matrilineal Kinship.
- ²⁵ Gough K. Tiyyar: North Kerala // Ibid. P. 407, 408.
- ²⁶ Idem. The Modern Disintegration of Matrilineal Descent // Ibid. P. 635.
- ²⁷ Pollock N. J. Comment to Fluehr-Lobban C. Marxist Reappraisal of the Matriarchate // Current Anthropol. 1979. V. 20. P. 353.
- ²⁸ Poewe K. O. Matriliney and Capitalism: the Development of Incipient Classes in Luapula, Zambia // Dialectical Anthropol. 1978. V. 3. № 4. P. 344, 345.
- ²⁹ Douglas M. Is Matriliney Doomed in Africa? // Man in Africa. L., 1969.
- ³⁰ Gough K. Nayar: Central Kerala // Matrilineal Kinship. P. 370.
- ³¹ Aberle D. F. Matrilineal Descent in Cross-Cultural Perspective // Ibid. P. 681—686.
- ³² Kabo V. R. The Origins of the Food-Producing Economy // Current Anthropol. 1985. V. 26. № 5. P. 608.
- ³³ Mellaart J. Catal Hüyük: Neolithic Town in Anatolia. N. Y., 1967.
- ³⁴ Rorhlich R. State Formation in Sumer and the Subjugation of Women // Feminist Studies. 1980. V. 6. P. 78.
- ³⁵ Но см.: Narr K. J. Mutterrechtliche Züge im Neolithikum (Zum Befund von Catal Hüyük) // Anthropos. 1968—1969. Bd 63—64, № 3—4; Шнирельман В. А. (Ред.). Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981 // Сов. археология. 1984. № 4. С. 265.
- ³⁶ Alekshin V. A. Burial Customs as Archaeological Source // Current Anthropol. 1983. V. 24. № 2. P. 143.
- ³⁷ Rorhlich R. State Formation in Sumer...; Diakonoff I. M. Women in Old Babylonian not Under Patriarchal Rule // Economic and Social History of the Orient. 1986. V. 29. P. 327—342; Zagarell A. Trade, Women, Class and Society in Ancient Western Asia // Current Anthropol. 1986. V. 27. P. 415—430.
- ³⁸ Rorhlich R. State Formation in Sumer... P. 81.
- ³⁹ Zagarell A. Op. cit. P. 417.
- ⁴⁰ Ibid. P. 416.
- ⁴¹ Rorhlich R. State Formation in Sumer... P. 85.
- ⁴² Lerner G. The Creation of Patriarchy. N. Y., 1986. P. 154.
- ⁴³ Ibid. P. 155.
- ⁴⁴ Saggs H. W. F. Everyday Life in Babylon and Assyria. N. Y., 1965. P. 150, 151.
- ⁴⁵ Diakonoff I. M. Women in Old Babylonian...
- ⁴⁶ Troy L. Patterns of Queenship in Ancient Egyptian Myth and History // Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations. Uppsala, 1986. P. 103.
- ⁴⁷ Последнее особенно подчеркивают современные египетские феминистки. См. el-Saadawi N. The Hidden Face of Eve. L., 1980.
- ⁴⁸ Lerner G. Op. cit. P. 159.
- ⁴⁹ Rorhlich-Leavitt R. Women in Transition... P. 42.
- ⁵⁰ Ibid. P. 47, 49.
- ⁵¹ Munford Th. Women, Politics and the Formation of the Chinese State // Pre-industrial Women. Canberra, 1984. P. 6.
- ⁵² Chang K.-C. Early Chinese Civilization. Cambridge, 1976. P. 94, 95.
- ⁵³ Cooper E. Ten Section Systems, Omaha Kinship and Dispersal Alliance Among the Ancient Chinese // Current Anthropol. 1983. V. 24. № 3. P. 329.
- ⁵⁴ Women of Korea, a History from Ancient Times to 1945. Seoul, 1979.
- ⁵⁵ Lee K.-B. A New History of Korea. Cambridge, 1984. P. 6.
- ⁵⁶ Ibid. P. 39.
- ⁵⁷ Soustelle J. Daily Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest. Stanford, 1961. P. 183.
- ⁵⁸ Hildebrandt H.-J. Matriarchal Myth or Matriarchal Reality...